

2018

*Лечу туда, лечу, как семя бури,
Плодотворить грядущего лазури.*

Н.В. Крандиевская

*Молчат гробницы, мумии и кости,
– Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма.*
*И нет у нас иного достояья!
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.*

И.А. Бунин

В 2018 году – юбилеи великих отечественных литераторов – 65 лет со дня смерти Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) и 130 лет со дня рождения Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой

И.А. Бунин в Париже. 1948 г.

Портрет Н.В. Крандиевской-Толстой. 1950-е гг.

(1888–1963), бабушки современной писательницы Татьяны Толстой, чья творческая судьба сложилась трагично: ярко дебютировав перед революцией, при жизни она выпустила лишь несколько книг, годы жизни с А.Н. Толстым обернулись для неё поэтической немотой, умерла Наталья Васильевна в неизвестности. Крандиевская шла и против течения века серебряного, и против течений «века-волкодава». Теперь, когда её творческое наследие издано и заняло достойное место на книжной полке рядом с младшими современницами М. Цветаевой и А. Ахматовой, она, по-прежнему, остаётся в тени этих громких имен. А ведь её публикации были первым голосом юного поколения начала XX века и оказали влияние не только на творчество упомянутых поэтесс, но и на раннюю лирику Б. Пастернака и В. Ходасевича...

И ранняя, и поздняя лирика Н.В. Крандиевской – утаённая классика русской литературы XX столетия, а блокадный цикл открывает совершенно новую грань таланта поэта и ставит имя Крандиевской в ряд с лучшими именами мировой поэзии; она – единственная блокадная поэтесса, которой было дано испытать счастье материнства, вырастить детей и внуков, пусть не просто, блокаду она пережила чудом...

С.Я. Маршак считал поэтически мощными блокадные стихотворения Крандиевской, по его мнению, никто из гениев Серебряного века и никто из поэтической молодёжи 1940-х проще и страшнее об этой войне не написал. Интересно, что в блокадной лирике звучит смех (!) Крандиевской, а ведь после Пушкина это качество лирики в русской поэзии почти не встречается...

Н. Крандиевская родилась в литературной семье. Её отец был издателем, мать – писательницей. Девочка отменно музицировала на фортепиано, училась рисованию и живописи у М. Добужинского и Л. Бакста; хорошо знала литературу и начала писать стихи в семь лет, а в четырнадцать – появились её первые публикации. Наташу Крандиевскую М. Горький величал «премудрой и милой Тусей». Именно он подарил ей в детстве книжечку И.А. Бунина «Листопад» с надписью: «Вот как писать надо!». Тогда и возникла у Крандиевской любовь к творчеству Ивана Алексеевича. И Бунин, очень строгий критик, высоко ценил стихи юной Крандиевской; сам он принадлежал к тем натурам, в которые талант был вложен, говоря его же словами, «божьей милостью, а не человеческим хотением, измышлением или выучкой». В одну из встреч он много говорил о необходимости совершенствования, изживания неестественных метафор. Оба – и Бунин, и Крандиев-

ская – оставили воспоминания о первой встрече. Оценивший дарование пятнадцатилетней москвички (жила Н. Крандиевская в Гранатовом переулке – Н. Г.), Иван Алексеевич уже в эмиграции с теплотой вспоминал об отроческих стихотворных опытах своей любимой ученицы: «Наташу Толстую я узнал ещё в декабре 1903 года в Москве. Она пришла ко мне однажды в морозные сумерки, вся в инее, – иней опушил всю её беличью шапочку, беличий воротник шубки, ресницы, уголки губ, – и я просто поражён был её юной прелестью, её девичьей красотой и восхищён талантливостью её стихов, которые она принесла мне на просмотр, которые она продолжала писать и впоследствии, будучи замужем за своим первым мужем, а потом за Толстым, но всё-таки почему-то совсем бросила ещё в Париже». В последнем Бунин ошибся. Стихи были оставлены не в Париже и не в Берлине. «Немота» Крандиевской была её платой за возвращение на родину...

А встреча в конце 1903 года, которую описывает Бунин, была их первой встречей. В дальнейшем именно Иван Алексеевич стал литературным учителем Крандиевской, хотя училась она у всех, по её словам, «росла в кругу литературных интересов»!

В книге воспоминаний Натальи Васильевны (она была и отличным прозаиком), изданной уже после её смерти, есть рассказ о её отношениях с Буниным; Крандиевскую привлекало в творчестве старшего товарища и любимого поэта единство чувства и мысли, духовная одарённость, «бунинский» стиль и темперамент художника – редкостное, пушкинское сочетание, утраченное, как многим казалось, навсегда после смерти великого поэта.

«Дрожь, я вынула тетрадь и принялась читать подряд, без остановки, о соловьях, о лилиях, о луне, о тоске, о любви, о чайках, о фиордах, о шхерах и камышах. Наконец, Бунин меня остановил.

– Почему вы пишете про чаек? Вы их видели когда-нибудь вблизи? – спросил он. – Прожорливая, неуклюжая птица с коротким туловищем. Пахнет от неё рыбой. А вы пишете: одинокая, грустная чайка. Да ещё с собой её сравниваете. Ай-ай-ай, – покачал он головой, – нехорошо. Комнатное враньё» [*Крандиевская-Толстая Н.В. Воспоминания. – Л.: Лениздат, 1977, с. 40*].

Эту сценку Крандиевская описала очень живо. Таким образом, уроки Бунина заставили Крандиевскую оттачивать свой талант, идти к совершенству; Бунин постарался привить своей ученице правило отвечать за каждое написанное слово, не спеша с изданием книги. В то же время она получала весьма лестные отзывы о своей поэзии не только от Ивана Алексеевича, но и от такого при-

знанного поэта, как К.Д. Бальмонт, который также был очарован красотою и талантом юной поэтессы.

Первый поэтический сборник Крандиевской «Стихотворения» вышел в Москве 105 лет назад, в 1913 году; Наталье было уже 25 лет. Книга получила хорошие отзывы в литературной среде, положительные рецензии от С. Парнок и В. Брюсова; критики отмечали свежесть и оригинальность рифм, богатство ритма. Поэзию Крандиевской, полную философских раздумий, с чёткой формой классического стиха, высоко оценил и А.А. Блок...

Крандиевская оказалась вне поэтических направлений, вне групп и компаний молодых поэтов, хотя и печаталась, и выступала на поэтических вечерах. Эстетика определяла литературное одиночество. Так было, кстати, и с И.А. Буниным...

Спустя много лет, в конце 1930-х годов Н.В. Крандиевская-Толстая посвятила И.А. Бунину большое программное стихотворение «Духов день» (дата написания по данным её сыновей: <1938–1939 по Д.А. Толстому, или 1939–1940 по Н.А. Толстому>), которое начинается так: «В старом парке, на опушке, // Где простор теснит сирень, // В троюкуровской церквушке // Помню службу в Духов День <...>»...

В своём очерке я хочу затронуть тему творчества И.А. Бунина и Н.В. Крандиевской-Толстой в годы Второй мировой войны. Поразительно, что лучшие произведения учителя и ученицы были созданы именно в тот период.

Иван Алексеевич, которому шёл восьмой десяток, в новые трагические «окаянные дни» думал о новой смертельной опасности, в которой оказалось Отечество; о чудовищном натиске неприятеля, алчущего пересилить русскую силу; размышлял о судьбах Европы, всего мира; неотступно следил за фронтом, отмечал на карте линию боёв, иронизировал над якобы «священной войной против коммунизма», над спасением «мировой цивилизации от смертельной опасности большевиков». Бунин с тревогой и надеждой следил за освободительной борьбой своего народа. Он прятал у себя преследуемых фашистами, часто принимал даже советских пленных! Ничто не могло нарушить бунинских нравственных позиций, цельности мироощущения... Писатель думал о возвращении на «несказанно близкую родину» («*Вот этот дом, сто лет тому назад, // Был полон предками моими, // И было утро, солнце, зелень, сад, // Роса, цветы <...>*»). Бунин писал о «свете незакатном родины, свете незакатном юности», которые были в его сердце, «ждушем вестей *оттуда*». «Советское Отечество» для него не существова-

ло; но он любил «незапамятную и нерушимую Русь», «блаженную, ещё не прожившую своих сказочных времён», «по земле ходящую, вопиющую, глаголящую», «Русь града взыскующую».

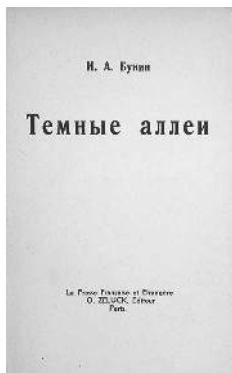
Часто в бунинских дневниках (начиная с 1941 года) встречаются радостные слова: «русские бьют немцев».

Именно в военное время на душевном подъёме Бунин создаёт цикл рассказов под общим названием «Тёмные аллеи»; в 1943 году в США этот сборник впервые выходит отдельной книгой. Сам автор считал произведения сборника, сокровенную книгу о главном испытании в жизни человека – любви – своим высшим достижением, «лучшей своей книгой», по воспоминаниям И.В. Одоевцевой. «Тёмные аллеи» были созданы писателем не только для памяти – для размышления, понимания того, что же произошло в действительности, что главное в жизни...

Сталинград для Бунина всегда оставался Царицыным, Горький – Нижним Новгородом, Калинин – Тверью, а Ленинград – Санкт-Петербургом. Бунинская ученица, Н.В. Крандиевская также, как учитель, больше любила старое название города на Неве; он был для неё «градом Петра», а не Ленина, но и новое наименование для неё много значило, – оно было связано с войной, блокадой, победой. За танком с винтовкой идёт в стихах Крандиевской её современница-ленинградка, а не петербурженка, и, сохраняя своё, сокровенное, народный поэт живёт вровень с согражданами. В одном из стихотворений поэта 1942 года главные героини – дружинницы (молодому поколению даже не ведомо, кто это такие!):

«Идут по улице дружинницы // В противогазах, и у хобота //
У каждой, как у именинницы, // Сирени веточка приколоты. //
Весна. Война. Всё согласовано // И нет ни в чём противоречия. //
А я стою, гляжу взволнованно // На облики нечеловечии»...

Лучшая книга Н.В. Крандиевской «В осаде» (1941–1943), прежде всего, книга о бесстрашии. Но не в газетном или плакатном смысле, а о бесстрашии души, о её освобождении. Это главная тема лирики поэта, начиная ещё с 1910-х годов. Но к личному прибавилось народное, и личное стало народным. В дни блокады с Крандиевской, как и с тысячами ленинградцев, произошла та же атрофия страха, его преодоление перед ликом смерти.

Обложка книги И.А. Бунина «Тёмные аллеи». Париж, 1948 г.

Наталью Васильевну можно назвать одним из главных, хотя и тайным, поэтом осаждённого города. Напомню, что блокадная книга стихов Крандиевской, подготовленная и уже набранная, будет рассыпана (от неё сохранился лишь оригинал обложки) в 1946 году после доклада А. Жданова об А. Ахматовой и М. Зощенко и начала гонений на журналы «Звезда» и «Ленинград». Стихи из книги «В осаде», будь они тогда же опубликованы, вернули бы их автора на очень высокую поэтическую орбиту, но, увы. Более чем через 20 лет после смерти Крандиевской, в 1985 году, вышли два сборника стихов и книга её мемуарной прозы «Воспоминания»...

Пишется книга «В осаде», когда враг подходит к Ленинграду, когда сам поэт готовится разделить участь защитников города и становится одним из этих защитников. Крандиевская не поддаётся на соблазн казённого патриотизма; её патриотизм – личное сопротивление. Несмотря на многочисленные предложения уехать, Наталья Васильевна осталась в городе. Конечно, А.Н. Толстой в любой момент мог организовать эвакуацию своей бывшей семьи. Но Крандиевская ответила так:

«Ты пишешь письма, ты зовёшь,
Ты к сытой жизни просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну что ж!
И я права в своём упорстве...
И если надо выбирать // Судьбу – не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою, – // за этот город умирать!».

Замечу, что поэт жила во время блокады в знаменитом доме Бенуа по адресу: Каменноостровский пр., 26–28 / Кронверкская ул., 29 / Большая Пушкарская ул., 37. Это огромный дом-квартал

с десятью дворами. Раньше нумерация была другой, и в воспоминаниях сына Крандиевской, Д.А. Толстого (ему посвящена книга «В осаде»), фигурирует дом № 23/59 по Кронверкской улице, сейчас это адрес фабрики, такого дома с дробным наименованием нет.

Кронверкская ул., 29 / Большая Пушкарская ул., 37 – здесь жила Н.В. Крандиевская во время войны. В здании жили многие видные политические деятели и военачальники советского времени; А. Кузнецов,

один из руководителей обороны Ленинграда, командующий Ленинградским фронтом генерал Л. Говоров. С 1956 года в здании работает музей С.М. Кирова. Здесь находится театр «Остров» с музеем писателя А. Володина. Среди жильцов дома – режиссёр и актёр Б. Бабочкин, художник Е. Кибрик. В 33 квартире жила академик Н. Бехтерева. Архитектор А. Оль переехал сюда в 1940 году.

Композитор Д. Шостакович до эвакуации жил в квартире 5 корпуса по Большой Пушкарской. Здесь он написал первые три части Седьмой (Ленинградской) симфонии. В 1945 году он поселился в квартире № 1 на первом этаже, окнами выходящей на Каменноостровский проспект. По ходатайству Шостаковича часть его квартиры занимала Н. Крандиевская с сыновьями. Со стороны Большой Пушкарской Д. Шостаковичу установлена мемориальная доска, а со стороны Кронверской улицы можно увидеть его бюст. Судя по воспоминаниям Д. Толстого, до переезда в квартиру Шостаковича они с матерью жили в квартире № 110 на пятом этаже над квартирой «главного человека» в городе, возможно, С.М. Кирова. Дом находится почти напротив Петропавловской крепости – Кронверком называлось дополнительное укрепление крепости со стороны суши, его давно нет, но напоминает о нём название улицы и Кронверский канал, о нём пишет Н.В. Крандиевская: «Эту прорубь каждый знает // На канале Крепостном <...>»...

Никто из советских поэтов не написал таких строк:

«...Если на труп у дверей // Лестницы чёрной моей //
Я в темноте спотыкаюсь, // Где же тут страх, посуди? //
Руки сложить на груди // К мёртвому я наклоняюсь. //
Спросишь: откуда такой // Каменно-твёрдый покой? //
Что же нас так закалило? // Знаю. Об этом молчу. //
Встали плечом мы к плечу. // Вот он покой наш и сила».

Блокированный фашистами город в осадной книге Крандиевской не имеет ни аналогов, ни соответствий в тогдашней, да и последующей поэзии. Свободная от директив соцзаказа, Крандиевская пишет о небывалом, то есть о самом простом, не укладываемом ни в какие рамки предшествующей поэзии. Но отточенная до действительно неслыханной и немыслимой простоты форма делает эти стихи столь естественными, что известный парадокс пушкинской лёгкости мешает осознать новизну, это редкий случай в лирике!

В стихах Крандиевской отразился и трагизм, и величие подвига ленинградцев, которые выжили, когда по всем физическим законам должны были умереть, она писала о том, что давало лю-

дям силы выжить, и о страшных подробностях, которые в советское время тщательно скрывались:

«Шаркнул выстрел. И дрожь по коже, // Точно кнут обжѐг. //
И смеётся в лицо прохожий: // «Получай паёк!» //
За девицей с тугим портфелем // Старичок по панели //
Еле-еле бредёт. // «Мы на прошлой неделе //
Мурку съели, // А теперь – этот вот...» //
Шевелится в портфеле // И зловеще мяукает кот <...>»
(зима 1941–1942 гг.).

Книга «В осаде» очень актуальна и в наше время, так как всё меньше остаётся свидетелей той страшной поры, и о том, как жили и боролись ленинградцы, молодёжь может узнать и из написанных непосредственно в осаждённом городе произведений:

«На салазках кокон пряменький // Спеленав, везёт //
Мать заплаканная, в валенках, // А метель метёт.//
Старушонка лезет в очередь, // Охает, крестясь://
«У моей вот тоже дочери // Схоронён вчераь. //
Бог прибрал, и, слава Господу, // Легше им и нам.//
Я сама-то скоро с ног спаду // С этих со ста грамм». //
Труден путь, далёк до кладбища. // Как с могилой быть? //
Довести сама смогла б ещё, // Сможет ли зарыть? //
А не сможет – сложат в братскую, // Сложат как дрова //
В трудовую, ленинградскую, // Закопав едва. //
И спешат по снегу валенки, – // Стало уж темнеть. //
Схоронить трудней, мой маленький, // Легче – умереть»
(зима 1941–1942 гг.).

Здесь названа вещь столь же удивительная, сколь и закономерная. Если «трудно хоронить, а умереть не трудно» (мысль, не однажды звучащая в книге блокадных стихов Крандиевской), то человек перестаёт бояться смерти или ареста.

Н.В. Крандиевская во время блокады много читает и даже посвящает стихи любимым книгам и образам:

«Майский жук прямо в книгу с разлёта упал //
На страницу раскрытую – «Домби и сын». //
Пожужжал и по-мёртвому лапки поджал. //
О каком одиночестве Диккенс писал? //
Человек никогда не бывает один»; // «Свидание наедине //
Назначил и мне командор. // Он в полночь стучится ко мне, //
И входит, и смотрит в упор. // Но странный на сердце покой. //
Три пальца сложила я в горсть. // Разжать их железной рукой //
Попробуй, мой Каменный Гость».

Здесь, кроме смутной полемики с А. Ахматовой (не потому ли, что пушкинскую героиню зовут донной Анной?), ответ на вопрос о религиозности Н. Крандиевской, о глубоко внутреннем чувстве, которое не афишируется, о нём не знают даже сыновья...

В своей блокадной книге пишет Наталья Васильевна и о музыке, которая помогала ленинградцам выживать в оккупированном городе:

«По радио дали тревоги отбой.
Пропел о покое знакомый гобой.
Окно раскрываю, и ветер влетает,
И музыка с ветром. И я узнаю
Тебя, многострунную бурю твою,
Чайковского стон лебединый, – шестая,
По-русски простая, по-русски святая
Как родины голос, не смолкший в бою»...

Необходимо отметить, что в стихотворениях Н.В. Крандиевской-Толстой периода Великой Отечественной войны присутствуют элементы городской топонимики, то есть указаны конкретные улицы; кроме описываемых поэтом действий и событий, город с его архитектурными сооружениями – всегда главное, живое действующее лицо произведений, свидетель страшного и героического времени. Никто в 1940-х не написал о тех блокадных разговорах на ночном дежурстве (в ожидании очередной бомбёжки):

«Рембрандта полумрак // У тлеющей печурки. //
Голодных крыс гопак, – //
Взлетающие шкурки»; «Как привиденья беззаконные, //
Дома зияют беззаконные // На снежных площадях. //
И, запевая смертной птичкою, //
Сирена с ветром перекличкою // Братаются впотьмах. //
Вдали над крепостью Петровою //
Прожектор молнию лиловую // То гасит, то зажжёт. //
А выше – звёздочка булавкою //
Над Зимней светится канавкою // И город стережёт»
(зима 1941–1942 гг.).

Или ещё одно «топонимическое» стихотворение, написанное в этот же период, где упоминается площадь писателя-юбиляра нынешнего, 2018 года, в одном из домов на которой до войны работал крупный продуктовый магазин:

«За спиной свистит шрапнель. // Каждый кончик нерва взвинчен. //
Бабий голос сквозь метель: // «А у Льва Толстого нынче //
Выдавали мервишель!» // Мервишель? У Льва Толстого? //
Снится, что ли, этот бред? // Заметают вьюга след. //
Ни фонарика живого, // Ни звезды на небе нет <...>».

Замечу, что на щите, закрывающем витрину магазина на площади Льва Толстого, висели во время блокады бытовые объявления: «Всем гражданам! Отвожу ихних покойников на саночках до кладбища и другие бытовые перевозки...»; «За ненадобностью продаётся лёгкий гроб...»...

Среди произведений, посвящённых блокаде, есть у поэта несколько стихотворений, где описано и живо представляется ленинградское лето в оккупированном городе:

« <...> Понимаю, что в блокаде лето, //
И как чудо здесь, на мостовой, // Каменноостровского букета //
Я вдыхаю запах полевой» (лето 1942 г.).

И ещё такие строки:

«Лето ленинградское в неволе. // Всё брожу по новым пустырям, //
И сухой репейник на подоле //
Приношу я в сумерках к дверям <...> //
И всю ночь далёкий запах гари // Не даёт забыть мне о войне»
(лето 1943 г.).

Муза Крандиевской, эта творческая благодать, не похожа на прочих своих сестёр – ни греческих, ни современных. Она особая, индивидуальная и надмирная; воплощена в оболочку женщины времён Великой Отечественной войны.

Поэт всегда узнаёт свою Музу в лицо, какую бы маску та не надела. Муза навещает её; у неё особенный нрав, и печальный, и радостный. Её муза не шагает в ногу. Сказочная, своевольная дурочка, со свирелью идущая на похороны и плачущая на свадьбе, она населяет стихи тем, что современники просто отказываются видеть. Так и должно быть устроено зрение поэта: наперекор событию, а если надо – и бытию. Где-то здесь истоки пророческого дара, которым так щедро была наделена Н.В. Крандиевская.

Обложка книги
Н.В. Крандиевской-
Толстой «Вечерний
свет». 1972 г.

В стихотворении 1943 года Муза Крандиевской в итоге становится Музой Надежды:

«А муза не шагает в ногу, — // Как в сказке, своевольной дурочкой, //
 Идёт на похороны с дудочкой, // На свадьбе — плачет у порога. //
 Она на выдумки искусница, // Поёт под грохот артобстрела //
 О том, что бабочка-капустница // В окно трамвая залетела, //
 О том, что заросли картошками // На поле *Марсовом* зенитки //
 И под дождями и бомбёжками // И те, и эти не в убытке. //
 О том, что в амбразурах *Зимнего* //
 Дворца пустого — свиты гнёзда, //
 И только ласточкам одним в него //
 Влетать не страшно и не поздно, //
 И что легендами и травами // Зарос, как брошенная лира, //
 Мой город, осиянный славами, // Непобеждённая Пальмира!».

Посмертно были изданы сборник стихов Н.В. Крандиевской-Толстой «Вечерний свет» (Л., 1972), книга мемуарной прозы «Воспоминания» (Л., 1977), стихотворный томик «Дорога» (М., 1985, предисловие ещё одного бунинского ученика В. Катаева), «Лирика» («Библиотека «Огонёк», М., 1989, № 8), и первое бесцензурное избранное «Грозовой венок» (СПб, 1992), где опубликован и «роман в стихах» Крандиевской «Дорога в Моэлан» (с. 57–69), небольшая поэма, над которой она работала с 1921 по 1956 год...

С трагических высот нашего времени мне всё ближе, дороже И.А. Бунин и Н.В. Крандиевская-Толстая, великие Учитель и Ученица, с их драматическими судьбами, с их вдохновенным талантом, любовью к прекрасному, мудрому, вечному.

И.А. Бунин, создавший в годы Второй Мировой войны цикл рассказов «Тёмные аллеи», писал о Любви во всех её состояниях, он умел найти её там, где её ещё нет. До сих пор в нашей литературе никто не изобразил это вечное чувство так пристально, как Иван Алексеевич. А в его любовной лирике заложен вызов и протест против несовершенства мира, к ним, как и к стихотворениям Н.В. Крандиевской, нельзя подходить с обычной меркой. Учитель и ученица в годы войны писали о самом главном; самое сокровенное переживается и нами, читателями.

Обложка книги Н.В. Крандиевской-Толстой «Дорога». 1985 г.

И.А. Бунин и Н.В. Крандиевская-Толстая, говоря языком кинематографистов, как бы укрупняли план, максимально приближая к читателю одну деталь, но эта вроде бы частная деталь вызывает у нас цепь ассоциаций, приобретает обобщённый, а подчас и символический характер.

Следует отметить, что в январе 2018 года в Москве вышел в свет первый номер нового литературно-исторического журнала с прозаичным и вместе с тем поэтичным названием «Тёмные аллеи». Этот журнал хочет следовать бунинским целям. Быть может, после его прочтения некоторые житейские коллизии высветятся, а страницы истории станут понятнее и помогут отчётливее увидеть происходящее сегодня в тёмных аллеях...

Санкт-Петербург, январь 2018 г.

Литература:

1. Елин, Г. Хождение по мукам // Вокруг света. – 2004. – № 1. – С. 161.

2. Катаев, В. О Н.В. Крандиевской-Толстой // Н.В. Крандиевская-Толстая // Дорога; сост. Ф. Крандиевского, Д. Толстого, Т. Толстой. / В. Катаев. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 3.

3. Мануйлов, В. О Н.В. Крандиевской-Толстой // Н.В. Крандиевская-Толстая // Вечерний свет / В. Мануйлов. – Л.: Сов. писатель, 1972. – С. 5.

4. Пречисский, В.А. Судьба архива И.А. Бунина и его ближайшего парижского окружения // И. А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения писателя / В.А. Пречисский. – М.: Русский импульс, 2010. – С. 278–298.

4. Саакянц, А.А., Бабореко, А.К. Проза позднего Бунина. Комментарии // И.А. Бунин. Собрание сочинений в шести томах / А.А. Саакянц, А.К. Бабореко. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 5. – С. 571–635.

5. Чернов, А. Утаённый подвиг Натальи Крандиевской // Н. Крандиевская // Грозовой венок / А. Чернов. – СПб, 1992. – С. 5.